

Проблемы модернизации Японии и межкультурное взаимодействие

Л.Б. Карелова

Предлагается подход к осмыслению проблем модернизации через призму межкультурного взаимодействия, который помогает прояснить пределы и рамки вестернизации, внося определенные уточнения в типологии модернизации. Применяя этот подход к анализу модернизации Японии, автор предлагает гипотезу культурно-адаптационных механизмов, благодаря которым воспроизведение отдельных сегментов западной модели модернизации происходило, не разрушая собственную форму рациональности и свои ценности. В статье предпринимается попытка выявления идейной основы такого рода механизмов в японской духовной традиции.

Японский опыт дает массу примеров адаптации инокультурных институтов, экономических структур, научно-технических достижений, сохраняя свой собственный тип рациональности, встраивания инокультурных ценностей в собственную систему ценностей, эволюции идей в процессе межкультурного взаимодействия. Изучение механизмов и возможностей появления подобных культурных гибридов помогает прояснить пределы и рамки вестернизации. Если раньше имело место суждение, согласно которому модернизация Японии, по крайней мере на отдельных исторических этапах, характеризовалась как вестернизация, то при более подробном историко-культурном исследовании процессов, происходивших в периоды Мэйдзи (1868–1912) и Тайсе (1912–1926), а также после Второй мировой войны, напрашивается вывод о том, что тип модернизации этой страны трудно отнести к вестернизации или к догоняющему типу, а скорее можно говорить о модернизации на основе собственной модернизированной с элементами вестернизации в некоторых сегментах.

Вместе с тем представляется целесообразным говорить о вестернизации, как таковой, только с определенными оговорками, поскольку в действительности проект вестернизации реализуется лишь в отдельных секторах экономической, политической и социальной организации общества. В японской модернизации на выходе можно наблюдать разного рода смешанные формы, в которых происходит:

- перенос западных институтов и технологий в экономической сфере без кардинальной трансформации традиционных социально-экономических и социальных отношений;
- образование разного рода полудемократий и квазидемократий в области политики;
- сохранение основных ценностей и смыслов собственной культуры.

Абсолютно неподвижные культурные формы, которые можно технически выделить и перенести, – это результат абстракции. То, что происходит на деле, вполне объяснимо с точки зрения теории культурного взаимодействия. Любая культура может быть представлена как продукт множественных культурных трансля-

■ Межкультурная коммуникация

ций, посредством которых развитие всегда происходит путем интерпретации, притяжения и отталкивания, продуцирующих последующие видоизменения. В связи с этим уместно обратиться к словам Гадамера: «Понимание – это не только репродуктивная, но также всегда и продуктивная активность», и поэтому «мы понимаем по-иному, если понимаем вообще»¹.

Для уяснения механизмов культурных взаимодействий также весьма полезной может оказаться модель ценностно-смыслового ядра культуры, которая в терминах Самовара и Портера обозначается как «глубинная культура» или «глубинная структура культуры». Ее составляют нормы и ценности, паттерны мышления, которые закреплены в обществе и воспроизводятся на протяжении поколений: «...глубинная структура культуры сопротивляется большим изменениям. Изменения в одежде, пище, транспорте, жилище и т.п., хотя и кажутся важными, просто прилагаются к существующей системе ценностей, тем не менее ценности ассоциируются с такими вещами, как этика и мораль, труд и досуг, определения свободы, важность прошлого, религиозная практика, скорость жизни и отношение к различию полов и возрастов так глубоко закреплены в культуре, что они сохраняются из поколения в поколение»². Именно эта глубинная структура культуры, которая меняется очень медленно, и определяет способы понимания и трансляции, является центром притяжения одних элементов иной культуры и отторжения других.

Историко-географические условия для Японии сложились таким образом, что она очень длительное время пребывала в положении ученика. Вначале она находилась в ареале китайского культурного влияния, будучи на периферии китайской цивилизации. Ее культурное развитие во многом определялось центростремительным движением, жадной почерпнуть и перенять как можно больше информации из Китая. Когда японцы начали контактировать с европейской цивилизацией, роль ученика повторилась. Необходимость скорейшего усвоения достижений западноевропейской цивилизации острейшим образом назрела во второй половине XIX в., когда над Японией нависла угроза колонизации.

После поражения во Второй мировой войне наиболее коротким путем восстановления экономики было научно-техническое перевооружение на основе использования зарубежных достижений. Исторически сложилась традиция заимствования знаний извне. Осмысление способа заимствования китайских научно-технических достижений получило выражение в возникшей в IX в. и приписываемой поэту и государственному деятелю Сугаваре Митидзанэ (845–903) формуле *вакон-кансай* (японский дух – китайское мастерство). В конце XIX в. философ и политический деятель Сесан Сакума (1811–1864) преобразовал ее на новый манер – *тоге дотокү – сэйе гэйдзюцу* (восточная

мораль – западные умения). Эти лозунги красноречиво свидетельствуют о том, что и в первом, и во втором случае заимствованные знания выступали как нечто технически необходимое, но инородное по отношению к собственной духовной традиции.

В конфуцианско-буддийских представлениях японцев присутствовал стереотип цикличности развития мира и общества, им была чужда идея линейного прогресса. Для японской духовной традиции было характерно пространственно-временное мышление в отличие от пространственного и временного, слияние субъекта и объекта, неразделение духовного и материального, опять же существование логики, отличной от аристотелевской классической логики с ее законом непротиворечия. Каким образом японцам удавалось соединить столь различные вещи, воспринять западную науку и технологии, не разрушая свою немодернистскую форму рациональности и свои ценности?

В связи с этой ситуацией встает проблема формирования культурно-адаптивных механизмов, позволявших довольно органично сочетать импортированные научно-технические знания и институты, которые возникли на иной почве и неизбежно несли с собой определенное мировоззрение, с собственной традицией. Подходы к пониманию природы формирования таких механизмов, на наш взгляд, может дать историко-философское исследование:

1. Определенное влияние на формирование адаптирующего механизма японской культуры сыграла буддийская концепция «двух истин» – условной, конвенциональной и безусловной, постигаемой лишь в опыте просветления. Особый вклад в развитие учения о плюрализме истин внесла, несомненно, школа Тэндай, базовым текстом которой является «Лотосовая сутра». Допущение возможности множества условных конвенциональных истин, имеющих инструментальный характер, открывало путь для принятия разного рода новых знаний и информации, не отказываясь при этом от буддийского учения. Механизм адаптации, таким образом, состоял, во-первых, в помещении новой информации в иную плоскость, в иной контекст. Скажем, постижение истины через опыт просветления занимало свою плоскость и функционировало в одном контексте, регулирование социальных отношений – в другом, а эмпирико-рациональные знания – в третьем. Подразумевалась множественность и фрагментарность истины. Ее критерием становилось решение конкретных практических проблем. На это обстоятельство обратил внимание американский японовед Т. Казулис, который пишет, что если на Западе изначально стремились к созданию единой целостной теории, которая отражала бы «одну великую истину высшего порядка», то японцы в своей традиции не стремились к этому. Они были заинтересованы в том, чтобы располагать набором истин низшего порядка, которые бы

служили обеспечению повседневных задач. По его словам, для японцев «истина не монолитна, а множественна, не целостна, а фрагментарна. Истина меняется в зависимости от контекста. Без контекста не может быть истины»³.

2. Особенности мировосприятия японцев, сложившиеся в рамках синто-буддийско-конфуцианского идейного комплекса, состоят в рассмотрении данного мира как совершенного, с одной стороны, и как находящегося в непрерывном движении – с другой. Японская процессуальная онтологическая парадигма в корне отличалась от субстанциальной онтологической парадигмы, восходящей к Аристотелю и лежащей в основе западной классической науки Нового времени. В связи с этим не случаен, на наш взгляд, и краткосрочный конкретный прагматизм, исторически характерный для поведения японцев. Поскольку в их традиции укоренен взгляд, согласно которому движение мира, по своей сути, спонтанно и никогда до конца не предсказуемо, для них несвойственно стремление к установлению навсегда заданных законов и правил. Мысль о том, что правила меняются в зависимости от времени и места, проходит красной нитью через многие сочинения японских мыслителей. В их воззрениях присутствует определенный фатализм. Точно так же японцы искусны в краткосрочном планировании, но не склонны к составлению долгосрочных планов и прогнозов. Поэтому заимствуемые западные научные знания технологии и институты периодов Мэйдзи и Тайсе воспринимались как нечто необходимое для решения текущих проблем, как нечто единое, иноземное, но ценное для развития собственной страны, ее обороны в настоящий момент, они не обладали для японцев абсолютной ценностью и истинностью. Таким образом, изначально определился крен в восприятии западной науки, технологий и институтов в большей степени как технически необходимых средств, имеющих конкретное практическое применение в настоящий момент или в обозримом будущем.

Модернизация Японии определяется специалистами как происходившая инновационно-мобилизационным путем⁴. Инновационные технологии, научные достижения, институты заимствовались с Запада, а мобилизация человеческого фактора происходила на основе интеллектуального ресурса собственной духовной традиции. В частности, еще до периода Мэйдзи на основе буддийских и конфуцианских идей была сформирована сильная трудовая этика, которую можно сравнивать с протестантской этикой. В процессе модернизации Японии ее правительство вырабатывало идеологию, опираясь в значительной мере именно на традиционные ценностные ориентации, сформировавшиеся в эпоху Токугава (1603–1868), сделав их эффективным мобилизующим фактором, который был усилен напряженной внешнеполитической ситуацией.

Высшей ценностью и мобилизующим мотивом трудовой этики стал конфуцианский идеал социальной гармонии, залогом которого считались порядок и процветание отдельного дома. В дальнейшем они стали исходной базой для формирования национальных целей, выдвигаемых правительством Японии в процессе модернизации и также имевших характер всеобщих ценностей, побуждающих сограждан к трудовой активности. Так, в периоды Мэйдзи и Тайсе национальное единение под лозунгами «богатой страны и сильной армии» было подчинено задаче скорейшей модернизации во имя сохранения государственной независимости в условиях жесткой конкуренции с западными державами. Была сформирована идеология национального единства *кокутай* (буквально – «тело государства»), построенная на конфуцианских принципах семьи–государства и синтоистском мифе о божественном происхождении императорской династии и богоизбранности всей японской нации. Двигателями индустриализации в Японии в периоды Мэйдзи и Тайсе стали *дзайбацу* – финансово-промышленные образования, выросшие из кланов эпохи Токугава, которые применяли патерналистские принципы менеджмента, возникшие еще в купеческих домах. Многие из этих принципов сохранялись и до недавнего времени. После Второй мировой войны *дзайбацу* были ликвидированы, а мобилизующим механизмом продолжал оставаться корпоративизм семейного типа, в основе которого лежали те же конфуцианские максимы лояльности и патернализма.

Доминирующая роль долга в японской трудовой этике нашла выражение в рассмотрении трудовой деятельности каждого человека как служения государству в качестве уполномоченного им должностного лица, что обусловило акцентирование важности малого, ответственности каждого за любую, даже незначительную, работу.

Политическая модернизация в форме демократизации в Японии, как и в Китае, происходила очень постепенно. Несмотря на внедрение определенных структур и процедур, собственная политическая традиция не предполагала отчуждение от власти. Параллельно сохранялись и иные механизмы социального регулирования, такие, как групповая солидарность, патернализм, авторитет старшинства, идеалы консенсуса и гармонии и т.п. В японской социокультурной традиции человек всегда воспринимался как часть некой группы, цели и интересы которой становились его собственными, и, следовательно, в качестве центральной проблемы выступало исполнение им своего долга.

Виктор Сергеев, характеризуя соотношение традиционализма и инновационной способности в Японии, отмечает: «Только макроструктура социальных отношений подверглась модернизации, микроструктура же, то есть структура отношений внутри малых групп, со-

■ Межкультурная коммуникация

хранилась в ее традиционном виде, в том числе паттерны власти в малых группах и системы ценностей, определяющие поведение людей в их обычном социальном окружении»⁵. В Японии складывается «специфическое отношение к макросоциальным структурам и институтам как к «техническим инструментам»⁶. Вместе с тем на всех этапах модернизации в процессе межкультурного взаимодействия Японии и Запада постоянно происходило не только внедрение инноваций, но и переосмысление и реконструкция определенных фрагментов и структурных форм традиционного мышления, относящихся к более ранним идеологическим системам в соответствии с новыми потребностями страны.

Karelova L.B. Problems of modernization in Japan and intercultural interaction.

Summary: *In the article, the author suggests an approach to the conceptualization of modernization problems that interprets them in the light of intercultural interaction. This approach helps particularly clear up the limits and framework of westernization specifying and making more precise the typology of modernization. In applying the approach to the analysis of Japanese modernization, the author brings about a hypothesis concerning mechanisms of cultural adaptation. These mechanisms contributed to reproduce some segments of Western pattern of modernization without destroying indigenous form of rationality and values. The author also makes an attempt to single out a set of basic ideas of such mechanisms in Japanese spiritual tradition.*

Ключевые слова

Межкультурное взаимодействие, ценности, типы рациональности, Япония, трудовая этика, традиция, инновации.

Keywords

Intercultural interaction, values, types of rationality, Japan, labor ethics, tradition, innovations.

Примечания

1. Gadamer H. Truth and Method. NY, 1989, p. 297.
 2. Samovar L.A. Porter E.R. Intercultural Communication. A Reader. 10 th ed., Belmont, CF, 2003, p. 10.
 3. Kasulis Th.P. Sushi, Science and Spirituality: Modern Japanese Philosophy and Its Views of Western Science// Philosophy East and West, vol. 42, N 2, 1995, p. 234.
 4. См. :Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 111.
 5. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999. http://www.democracy.ru/curious/democracy/book_sergeev/page12.html
 6. Там же.
-